

в актёрстве, завлиты, околотеатральная публика — все против нас, скоморохов. Им нужна страна Мурлындия, где 24 гудка, и все на обед. «Дрянь пока что мало поредела». С кем приходится работать — судите сами, хорошего человека разве назовут Адольфом? Вот и приходится мне кидаться из театра в театр. Вася Шукшин заорал на всю страну своей «Кляззой»: «Что с нами происходит?» Говорят, я конфликтный — нет, просто я несломим в борьбе со всей этой концлагерной самодеятельностью. Ненавижу тех, кто разрушает таинство искусства.

Солоницын успокаивал его:

— Жора, тебя узнают на улице?

— Мои губищи никакой бейсболькой не закроешь. А стоит заговорить — шепелявый: «Давай рассуждать логически. Ты летишь в Ленинград? Нет. Я лечу в Ленинград? Нет...» Валерка Золотухин рассказал мне: «Возвращались со съёмки в Пермь из Алебастровой с Вадиком Спиридоновым — тоже тощий, в джинсах. В электричке народу мало. Бутылка плохого азербайджанского вина. Кепку на глаза надвинул. Вдруг детский визг: «Бумбараш! Папа, с нами Бумбараш едет!» Хоть я кепку надвинул, признал меня мальчонка. Туристы грянули «Ой, мороз, мороз!». Подсели к нам, консервы раскрыли. Я взял мальчонку на колени: «Поедешь со мной в Москву?» — «Поеду!» — «А батя как?» Отец: «Валера, у тебя сколько короедов?» — «Трое». — «А у меня один только».

Шукшин допытывался: «Джордж, ты знал, что будешь знаменитым?» — «Нет». — «А я знал».

Бурков уже натягивал куртку.

— Жора, да как же ты будешь выступать на творческой встрече?

— Патрик, пермские зрители хорошо знают, что я никогда не пьянею. Да и не выступать я иду, а с людьми разговаривать. Примерно как мы сейчас говорили. Меня Василий Макарыч как-то спросил: «Джорджоне, у тебя есть куда бежать, если что?» — «Конечно, Вася. В Пермь, в революционную Мотовилиху, куда ещё?» — «К маме, что ли?» — «Конечно, к маме, куда ещё?» Похоже, у Васи такого места на земле не было.

Указал на пустой графинчик:

— Отто, приду — чтобы был полный.

Анатолий Солоницын по паспорту — Отто. Отец неосторожно назвал его в честь Отто Юльевича Шмидта, с которым был дружен.

4

Абрамов, известный в «Пермнефтегеофизике» шутник, как-то сказал Вите:

— Ты заметил, как женский элемент смотрит на тебя? Особенно молодые вычислительницы.

ЗАВХОЗЫ, БИЛЕТЁРЫ,  
АДМИНИСТРАТОРЫ,  
МЕЛКАЯ СВОЛОЧЬ  
В ПИСАТЕЛЬСТВЕ ЕСТЬ  
И В АКТЁРСТВЕ, ЗАВЛИТЫ,  
ОКОЛОТЕАТРАЛЬНАЯ  
ПУБЛИКА — ВСЕ ПРОТИВ  
НАС, СКОМОРОХОВ.  
ИМ НУЖНА  
СТРАНА МУРЛЫНДИЯ,  
ГДЕ 24 ГУДКА,  
И ВСЕ НА ОБЕД

И тот поверил! Принялся изводить чирьи и ячмени, смотрелся в дамское зеркальце, двигал бровями и бормотал: «Что они во мне находят? Тощий, лицо хреновое, подбородок безвольный».

Абрамов оправдывался: «Я не ожидал, что он поверит. Но что вы хотите: мужик он и есть мужик, а баба она и есть баба». Да, Виктор Иванович Патрикеев, известный стремлением к точности, почитавший слова Монтеня: «Меня заставили возненавидеть вероятные суждения те, кто выдаёт их за верные» — поверил безответственному человеку.

— Для солидности хочу догнать живой вес до 70 килограмм. Аня меня усиленно кормит кашами, хлебом. Жора Бурков мне всегда советовал: больше ешь — квадратней будешь. Аппетит отменный, но ничего не помогает. Баритон бы мне ещё шершнёвский.

Как-то мы заговорили на тему названия вальса Штрауса «Живём только один раз». Я спросил Витю:

— Что скажешь о Петре Евсеиче, царство ему небесное?

— Как я его люблю! Но Урала он так и не понял со своими гегелевскими триадами.

— Бурков?

— Вообще-то он мечтал стать писателем. И — замах хуже удара: начать с тетралогии о России. Поэтому и пропал в библиотеке. Выискивал золотые крупички, золотые песчинки. Я читал его дневник: «У меня нет родины, ибо у раба её не может быть». Мне кажется, в «Гараже» именно он придумал фразу — «Я родину продал» — ею у всех актёров башку отломил. А говорил-то его герой о своём доме в деревне. Написать Жора ничего не успел. Он не знал правил структурного программирования фирмы IBM: не торопись, работай только быстро, не бойся делать ошибки и, главное, не улучшай. Наметил себе срок — и не улучшай после него. Читал стихи Амо Сагияна:

*Мне часто кажется, что я  
Жизнь проиграл свою. Все дни  
Свои пустил на ветер, а любовь  
Отдал быстротекущему потоку.*

— Ты?

— Вспомни нашего любимого Гривза: «Моя цель выглядит просто — направить мяч в сетку». Моя цель — коэффициент подтверждаемости объектов, равный единице. Всё! Я доволен. А ты?

— К Уралу я только присматриваюсь.

— Ты что, 300 лет собираешься жить? Шершнёв?

— Уж он-то состоялся в полной мере.

5

На Стахановском рынке Витя становился галантным кавалером, читал сибирийский перевод Киплинга — «Серые глаза — рассвет». Ну, нравился ему женотдел Стаханки! Не бой-бабы — кустодиевские округлости, присущие женской фигуре, груди с изрядными астраханскими арбузы; они, как правило, хохотушки: «Вот так они и жили, дом продали, ворота купили; врозь спали, а дети были»,